

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'1

К ОБОСНОВАНИЮ ОДНОГО ИЗ ЗНАЧЕНИЙ КОДА МОЛЧАНИЯ

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)

В широком семитическом ракурсе рассматривается молчание, которое может быть представлено нулевым означающим и нулевым означаемым и имеющее своей целью релаксацию, автономию, отдых, покой. Прослеживаются гендерные особенности употребительности такого молчания на материале записей аутентичного поведения представителей четырех культур: английской, американской, русской, белорусской. Делается вывод, что молчание с нулевым обозначающим и нулевым означаемым может соотноситься с целым рядом смысловых нюансов, связанных с удовольствием, расслаблением, гармонией, тишиной и т.п. Предполагается, что молчание как коммуникативный феномен представляет собой самостоятельный код, используемый человеком в его коммуникативном поведении наряду с другими кодовыми системами, в первую очередь вербальной и целым рядом невербальных. Молчание-автономия в таком случае представляет собой одну из его единиц.

Введение

Коммуникативное поведение очевидным образом включает молчание в инвентарь своих операционных знаков. Во всяком случае, утверждение о том, что молчание в каждом конкретном акте общения имеет совершенно конкретный смысл, является общеизвестной истиной, поддерживаемой даже на уровне самых неискушенных в лингвистике представителей языкового сообщества. То есть молчание значимо, и адекватное поведение в любой ситуации предусматривает умение интерпретировать знаки молчания, не такие уж редкие в поведении людей любой социальной группы. Центральной проблемой гендерной лингвистики, прагматики, дискурс анализа, семантики, коммуникативной лингвистики в отношении знаков молчания является выявление многообразия их смыслов.

Решение данной проблемы целесообразно начать с более широкого семиотического ракурса и обращения к той ситуации, в которой поведенческая реакция целиком состоит из молчания. Весьма полезным также может быть привлечение знаний и понятий микролингвистики, которые могут помочь оценить языковую сущность и семантику молчания. В частности, целесообразным представляется использование понятия нулевой знак. Тем более что такой подход прослеживается во многих важных для настоящей работы исследованиях [1, с. 28; 2, с. 6].

Нуль обозначающего, по справедливому утверждению Е.Н. Ширяева, на любом уровне может сигнализировать об определенном означаемом, если он выступает как член определенной парадигмы и поддерживается определенными отношениями в синтагме [3, с. 184]. Не случайно нулевой знак привлекал к себе внимание многих лингвистов, в своих исследованиях показавших его роль в системе языка [4, 5]. Ф. Соссюр определил его как знак, представленный только означаемым и не имеющий реально выраженного означающего [6, с. 77]. Р. Якобсон, утверждая лингвистическую значимость оппозиции между каким-нибудь знаком и отсутствием данного знака, трактует нулевой знак как немаркированный член оппозиции [4, с. 229]. Его подход базируется на том понимании лингвистического знака, которое обнаруживается в трудах Ф. Соссюра и который предусматривает в составе знака два компонента:

обозначающее	signifiant
обозначаемое	signifié

При рассмотрении лингвистической значимости феномена отсутствия знака целесообразно провести разграничение между нулем (отсутствием знака) или молчанием как маркером определенного смысла и нулем как тем, что репрезентируется или маркируется данным знаком, в нашем случае – молчанием. Нуль как отсутствие знака считается возможным интерпретировать как эквивалентное выражение молчания, так как отсутствие определенного знака, если оно противопоставляется его наличию, значимо. Так можно кратко суммировать аргументацию тех, кто отстаивает значимость молчания [2, с. 6].

Возникает вопрос, можно ли использовать традиционный анализ лингвистического знака в качестве исходной точки более общего обсуждения молчания, интерпретации его как семиотического явления? На наш взгляд, такое использование вполне оправданно, что подтверждается рядом успешных исследований. Так, подобный анализ оказался полезен при рассмотрении такого важного параметра общения, как интенция [2]. Если это так, то наша задача состоит во всестороннем анализе молчания как линг-

вистического явления; анализе, в котором молчание сопоставлялось бы не только с говорением, но и рассматривалось бы само по себе, на основе внутренних оппозиций, когда, например, молчание-гнев противопоставляется молчанию-сочувствию, солидарности и т.п. Такие оппозиции позволяют доказательно противостоять общему утверждению о том, что молчание всегда означает отсутствие, невидимость, подчиненность, второстепенность [7], негативность [8] и соотносится с поведением главным образом женщин, как это наблюдается практически во всех интерпретациях данного феномена в гендерных исследованиях англо-говорящих и других культур [7, 9].

Основная часть

Мы исходим из того, что молчание в процессе коммуникативного поведения, т.е. отсутствие говорения, в качестве нулевого обозначающего может быть представлено как интенциональное молчание. Таким образом мы отделяем его от того молчания, которое по существу есть пространство, размещающее в себе все реплики коммуникативного поведения, в том числе и реплики-молчания, и которое обнаруживается до начала коммуникативного события и после него. Такое молчание, в отличие от молчания-знака, использованного в процессе коммуникативного поведения, не имеет интенций, оно полностью свободно от них. Молчание-реплика также может быть результатом отсутствия каких бы то ни было интенций отвечать на стимул собеседника, однако такое отсутствие интенций говорить есть по сути анти-интенция неучастия, безразличия, отстраненности и т.п., что совершенно не сопоставимо с исходным бесстрастным молчанием как пространством, действительно свободным от каких бы то ни было интенций.

Молчание же как знак допускает представление себя как интенционального молчания. Если это так, то тогда его смысл можно интерпретировать с помощью обозначаемого в форме пропозиций типа «Я не должен говорить» или «Я не буду (не хочу) говорить». Вместе с тем, как уже отмечалось, в аутентичном коммуникативном поведении возможны такие реплики-молчания, т.е. нулевые обозначающие, которые могут оказаться также и нулевыми обозначаемыми. Подобные случаи наблюдаются в самых разных фрагментах коммуникативного поведения, например, в вопросно-ответных единствах. Обычно такие манифестации молчания интерпретируются лингвистами как примеры нелингвистического знака в традиционном его понимании, ибо считается, что молчаливый реципиент не имеет интенций для модальных молчаливых реакций [2, с. 8]. Ведь в соответствии с установившейся точкой зрения для того, чтобы молчание приобрело значение в лингвистическом смысле этого слова, коммуникант должен иметь интенции. Иными словами, нулевое обозначающее предполагает способное к расшифрованию или допускающее расшифрование обозначаемое, т.е. смысл, который можно выразить словами, описательно. Если же молчание коммуниканта не поддается интерпретации, не обнаруживает никаких интенций, тогда оно трактуется как неинтенциональное и на этом основании считается не относящимся к лингвистике.

Реальное коммуникативное поведение, однако, инкорпорирует значительное количество примеров такого рода. В частности, в *примерах 1, 2* молчание является одним из вариантов именно такого неинтенционального молчания, что нередко сбивает с толку других участников коммуникативного акта, добывающихся именно интенций, объяснений молчания.

1. А₁: Алік!
 Б₂: (Молчание).
 А₃: Алік! Памажы ручку адвінціць. Вечна ты ўсё намертва заварочваеш!
 Б₄: (Молчание).
 А₅: Ну Алік жы!
 Б₆: (Нейтрально) Што?
 А₇: Ручку памажы ў мясарубцы адкруціць.
 Б₈: (Молчание).
 А₉: Алік!
 Б₁₀: (Резко) Ладна! Січас!
2. (Фрагмент: Приход с работы)
 А₁: Привет!
 Б₂: Привет! Хорошо, что сегодня раньше пришел. У меня тоже все готово как раз.
 Давай быстрее.
 А₃: (Молчание)
 Б₄: Ну как у тебя там?
 А₅: (Молчание)
 Б₆: Где ты? Иди. Стол уже накрыт.
 А₇: (Молчание). (Входит, садится за стол, начинает искать глазами вилку)
 Б₈: Да вот же, вот...
 А₉: (Молчание)
 Б₁₀: Хватит или еще подложить?

- A₁₁: *(Жест, что хватит)*
 Пауза
 B₁₂: *Ну так что? Поедем завтра на дачу?*
 A₁₃: *(Молчание)*
 B₁₄: *А?*
 A₁₅: *(Кивает головой)*
 B₁₆: *Во сколько?*
 A₁₇: *(Молчание)*
 B₁₈: *Во сколько, говорю?*
 A₁₉: *Что?*
 B₂₀: *Когда поедем?*
 A₂₁: *А? Ну... э-э посмотрим.*
 Пауза
 B₂₂: *Слушай, а что такое, а?*
 A₂₃: *(Молчание)*
 B₂₄: *Работы было много?*
 A₂₅: *(Молчание)*
 B₂₆: *Устал?*
 A₂₇: *(молча дружелюбно смотрит в глаза собеседнице и откидывается на спинку стула)*
 B₂₈: *Ну-у, ты допивай вот. И вот не съел! На, доешь.*

Фрагмент 2 представляет собой разговор счастливой по традиционным меркам и по существу пары, в согласии прожившей 9 лет.

Комментарий жены: *Вот часто такое бывает. Да. По молодости, бывало, поругаюсь, но выясню, почему молчит. А теперь... потрепыхаюсь немного, потрепыхаюсь, а потом... а потом оставляю. Можно сам с собой побыть хочет. Зачем до головы брать?*

Комментарий мужа: *А я и не молчу. Что вы? Только что говорить-то? И так все ясно. Пришел домой, расслабился вот. Надо же где-то и самому собой быть. А тут вот я сам, такой, как есть. Можно ни о чем не думать, ничего не изобретать или там в уме держать. Прямо рай! Сиди себе. Ни о чем не думай. На то он и-и... дом! Чтоб самим собой быть. Не так, что ли?*

Отсутствие относительно легко выводимых интенций в данном примере (реплики A₃, 5, 9, 13, 17, 23, 25), а также в примере 1 (реплики B₂, 4, 8) вовсе не означает, что их нет в принципе. Как следует из комментариев к фрагменту 2, такое молчание вполне может соотноситься с интенцией помолчать, с особым удовлетворением от пребывания в своей семье, в своем доме, с удовольствием, получаемым от полной релаксации, отключения. Трудность идентификации таких интенций объясняет, почему участвующий в подобных разговорах другой коммуникант зачастую только с годами и опытом перестает испытывать настороженность к молчащему собеседнику.

Неинтенциональные смыслы в системе Грайса, как известно, соотносятся с так называемым натуальным (natural), естественным значением; ненатуральные – с лингвистическим или неконвенциональным, конверсационным. С точки зрения Грайса, только последние, т.е. неконвенциональные значения, представляют собой наибольший интерес для лингвиста [10]. На этом основании реакции молчания приведенной разновидности в примерах 1, 2 считаются неинтенциональными. Ввиду неясности намерений, т.е. интенций говорящего, они исключаются из анализа и остаются неописанными. Если, конечно, не принимать во внимание описание в гендерных исследованиях сквозь призму замалчивания и отношений власти.

Однако они интенциональны! Только их интенциональность отличается от тех ее разновидностей, которыми традиционно оперируют лингвисты, и может быть представлена как нулевая или как та, которая ищет тишину, покой, релаксацию, молчание само по себе. Такой тип молчания зафиксирован в поведении представителей всех анализируемых культур. Больше всего в нашем материале его наблюдалось в поведении мужчин в домашней обстановке, особенно в возрасте 35 – 55 лет. Видимо, мужское представление о доме действительно состоит в том, что именно здесь можно расслабиться и таким образом отдохнуть. Главная интенция – отключиться, побыть в состоянии релаксации, даже «послушать» тишину. Жена же, вполне в соответствии с требованиями устоявшегося представления об интенциональности поведения, пытается докопаться до причин. И только с опытом к ней приходит знание того, что никаких особых интенций может и не быть. Или же, что эти интенции как раз и состоят в том, чтобы помолчать.

Приведем еще один весьма характерный пример нулевого обозначающего и нулевого обозначаемого, т.е. неинтенционального молчания, показывающего, что лингвистический знак молчания может быть представлен в виде нулевого обозначающего/нулевого обозначаемого.

Т. Сибеок трактует такие примеры как охумогоничес [11, с. 118], т.е. как оксюморонические по своей сущности. Предлагаемый далее пример для иллюстрации такого молчания взят не из записей реального коммуникативного поведения, а представляет собой музыкальный фрагмент, в котором имеются две

подчасти молчания и заимствован у Дж. Кэйджа. Последний с помощью данного примера пытается пояснить один из возможных смыслов молчания, истолковать его интенцию [12, с. 123 – 124].

3. Пример Дж. Кэйджа:

		<i>Первоначально</i>	
<i>Мы были нигде</i>		<i>и теперь опять</i>	
<i>имеем</i>	<i>удовольствие</i>		
<i>оказаться</i>	<i>постепенно</i>	<i>нигде.</i>	<i>Если кому-то</i>
<i>хочется спать</i>		<i>поспите.</i>	
<i>(Молчание). (Молчание).</i>		<i>(Молчание). (Молчание).</i>	
<i>(Молчание).</i>			
<i>(Молчание).</i>			
<i>Все закончилось</i>	<i>теперь</i>	<i>Было очень приятно.</i>	

Устная реализация данного утверждения представляет собой фрагмент с несколькими периодами молчания, обозначенными в приведенном примере словом «молчание». Последние представляют собой не что иное, как нулевые обозначающие, которые, если не вдаваться с дебри интерпретаций, не соотносятся легко или непосредственно ни с каким обозначаемым, т.е. значением, непосредственно соответствующим обозначенным периодам молчания. Данное молчание может репрезентировать приглашение вздремнуть. Или замолчать. Отключиться. Забыться. Побывать «нигде». В том пространстве, в котором размещаются все наши действия, вербальные и невербальные. Если это так, то тогда оно (молчание в данном примере) иконично по сути тому, что слушателям предлагается сделать. Но оно не символично в том смысле, что его нельзя или весьма затруднительно перевести в слово, как это можно сделать в случаях интенционального молчания.

Похожий случай описывается в небольшом рассказе Г. Бёлля «Доктор Мурке» [13]. Доктор Мурке собирает записи молчания. Когда он слушает записанное на пленку молчание Риты в том виде, в каком оно действительно разворачивается в реальном мире, то испытывает удовольствие. Вот как он говорит об этом: «Если бы ты знала, как дорого мне твоё молчание. По вечерам, усталый, когда я сижу один, я проигрываю твоё молчание» [13, с. 19].

На значимость такого молчания в своей жизни неоднократно указывали многие информанты, участвовавшие в нашем эксперименте. Об этом недвусмысленно говорят фрагменты записанного нами аутентичного говорения.

4. «Дык што ж гэта за жонка тады такая, што з ёю і памаўчаць няможна! Як жа тады жыць?».
5. «А-а! Дык то ж маці! Яна – маці і разумею, што і як. Так. Яна лезці не будзе. Маўчыш сабе, ну і маўчы. Бо яна ж маці і ... іііі... ведаю, што памаўчаць трэба».

На значимость такого молчания указывают писатели, отмечающие, что смысл подобных общений-молчаний не в содержании беседы, а в касании душ. «Просто посидеть друг возле друга. Не одному в казенном номере. А вместе» [14, с. 221]. О том же говорится в утверждении «Я его понимала. У нас было общее молчание» [14, с. 186].

Как признался один из информантов (представитель английской культуры), в деловые командировки он, вполне по Бёллю, берет с собой видеозапись некоторых фрагментов своего домашнего общения с женой, состоящих почти полностью из молчания. Просмотр таких фрагментов лучше всего заменяет ему тот отдых от суеты и напряжения делового дня, который он может получить только дома.

Следует согласиться, что трудно или невозможно найти слова, которые бы обозначили, заменили бы собой подобное молчание. Раз это так, то правомерно признать, что в данном случае мы имеем нулевое обозначающее/нулевое обозначаемое.

При этом данное молчание может отличаться от других случаев неинтенционального молчания. Последнее может быть обусловлено психологическими особенностями личности, например, робостью, рассеянностью, смущением, тактичностью и т.п., т.е. состояниями, которые реализуются против воли коммуниканта, когда он вовсе не имеет в виду молчать [8, с. 423]. Напротив, его интенции могут быть не молчать, не смущаться. Это как раз то нередко наблюдаемое молчание, которое многие говорящие воспринимают как естественное поведение в определенных сферах и ситуациях общения.

Подобное молчание свойственно представителям самых разных вариантов феминности и маскулинности во многих сферах и ситуациях общения. Вместе с тем частотность реализации молчания типа нулевое обозначающее/нулевое обозначаемое значительно больше именно в коммуникативном поведении в частной сфере. Почти 20 % попыток записать домашние разговоры в парах в нашем исследовании наталкивались на разновидность данного варианта молчания в поведении коммуникантов, когда они смущенно разводили руками и говорили, что вербальное общение почему-то не получается, что дома им почему-то хорошо молчит. Или что они даже не подозревали, что дома с удовольствием больше молчат, чем говорят, что, оказывается, они общаются, не разговаривая.

Весьма характерно данное молчание, т.е. молчание с интенцией помолчать, для коммуникативного поведения в отношениях гармонии. Молчание-гармония, по нашим данным, более широкий образ, чем молчание ради молчания; оно включает большое разнообразие, целую полифонию разных молчаний. Чаще всего молчание-знание, когда для общения достаточно физических действий, а вербальные действия просто избыточны; молчание-тактичность; молчание-желание расслабиться, отвлечься; молчание-внимание; молчание-слушание с целью лучше узнать друг друга, услышать друг друга, понять настроение и намерения собеседника сейчас, в момент совершения акта общения. Общей интенцией всех разновидностей молчания-гармонии правомерно считать «хочу, чтоб мне и тебе (нам) было хорошо. Хочу побыть в твоей (или нашей) ауре». Как вариант или продолжение ее часто наблюдается следующее: «хочу, поэтому, знать, понимать, слышать».

Наблюдается данный тип молчания, как правило, в самых разных его вариантах и разновидностях в поведении давно устоявшихся и понимающих друг друга с полуслова супружеских пар, друзей, родственников, реже хорошо сработавшихся сослуживцев или соратников по какой-нибудь деятельности. Нами зафиксировано такое молчание в поведении представителей всех анализируемых культур.

Гендерные различия в таком типе молчания прослеживаются достаточно четко, ибо оно чаще всего зарегистрировано в поведении мужчин друг с другом, особенно отцов – сыновей, но не дедов – внуков, или мужчин и женщин, если последние действительно оказались способными развить высокое чувство дружбы, поддержки, понимания. Причем между мужчинами молчание-гармония прослеживается зачастую и в рабочей обстановке, в нашем материале, особенно в белорусской и русской культурах. Обычно это отношения хорошо сработавшихся равных партнеров. Кроме того, молчание-гармония в определенной мере соотносится с определенным возрастом и почти всегда с весьма значительным опытом общения. В большинстве случаев оно характерно для коммуникантов среднего и более старшего возраста, особенно если общаются между собой друзья или сослуживцы более пожилого возраста. Большая разница в возрасте, видимо, представляет собой препятствие для общения через молчание. Даже для деда и внука. В нашем материале отношения гармонии между последними подразумевают весьма значительное количество говорения, а молчание в значительной степени фрагментарно. Менее свойственно оно и дружеским неформальным отношениям среди женщин. Обычно женщины в дружеском неформальном общении предпочитают все-таки разговор. Видимо, поэтому многие из них не сразу научаются понимать молчание и участвовать в нем в семье.

В реальной жизни, однако, чаще случаются ситуации не молчания-гармонии, а определенной асимметрии, когда один из коммуникантов предпочитает молчание-автономию, разнообразные интенции которого можно обобщить в следующей формуле: «Хочу, чтоб мне было хорошо», «Я должен (должна) помолчать, разобраться в себе, в своих проблемах». Такое молчание может иметь своей целью отдохнуть от шума и суеты в своем узком кругу, расслабиться, отвлечься, т.е. все то же, что и молчание-гармония, однако оно зачастую опускает вторую часть интенциональной формулы молчания-гармонии – «хочу поэтому знать, понимать и слышать». Кроме того, «нам», «мне и тебе» в первой ее части заменяется на «мне». Такие замены в интенциях оказываются весьма значимыми и могут иметь самые разные последствия.

Семантика молчания-автономии в значительной степени соотносится со стремлением к независимости, желанием отграничить свое я, получить определенную свободу или некое уважение своих в той или иной степени значимых для коммуниканта желаний. Такое молчание прослеживается в поведении представителей любого гендера. Более того, оно зафиксировано даже в поведении гармоничных пар. Все дело, видимо, в пропорции. Больше всего, однако, такого молчания в поведении мужчин. Рассмотрим следующий фрагмент коммуникативного поведения.

6. (Муж и жена дома, телевизор включен, муж поглаживает собаку и только краем глаза смотрит телевизор).

- A₁: *Bill!*
 B₂: *(Silence)*
 A₃: *Billy, are we going out tonight?*
 B₄: *(Silence)*
 A₅: *Are we?*
 B₆: *(Silence)*
 A₇: *Are we, Billy?*
 B₈: *(Silence)*
 A₉: *Are you here Bill? Hi! Billy!*
 B₁₀: *(Suddenly looks up and smiles)*
 A₁₁: *(smiling back) Bill, you said it'd be fine to dine out on Saturday.*
 B₁₂: *(Silence)*
 A₁₃: *You said Billy, you ... didn't you?*
 B₁₄: *Oh! Ye! Ye! Dining out! Fine!*
 A₁₅: *Are we going ...*
 B₁₆: *Ah yes! Are you ready then?*

Достаточно прочные, гармоничные отношения данной пары, как мы видим, вполне выдерживают молчание-уход в себя одного из собеседников. Однако весьма возможны и напряженности. Именно такой вариант молчания со всевозможными последующими необъяснимыми резкостями (см. фрагмент 1, реплика B_{10}) объединяется с действительно дерогативными случаями молчания в гендерных исследованиях молчания и трактуется как знак сексизма, подчинения, концентрации власти [7]. Многочисленные авторы специальных исследований соотносят его исключительно только с мужским поведением, присовокупляя к нему заодно и другие случаи или виды молчания [15].

Наше исследование позволило получить данные, свидетельствующие о том, что несмотря на то, что во всех культурах коммуниканты любого гендера могут в своем поведении обнаружить молчание-автономию, молчание-уход в себя, и в отдельных диалогах так могут повести себя женщины, однако пальму первенства в частной сфере по употребительности данных молчаний, безусловно, следует отдать мужчинам.

Таблица 1

Молчание-автономия в поведении коммуникантов с разным уровнем образования в %

Культура	Белорусская		Русская		Английская		Американская	
Пол коммуникантов	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Образование:								
высшее	28	4	27,5	3,5	26,5	4,5	27	4,5
среднее специальное	30	4	30	4	30	4	28	6
незаконченное среднее	30	4	32	3	31	4	30	4,5
ВСЕГО	88	12	89,5	10,5	87,5	12,5	85	15
	100 %		100 %		100 %		100 %	

Примечание. За 100 % принимается общее количество случаев исследуемого молчания, зарегистрированных у представителей одной культуры.

Данные, представленные в таблице 1, показывают, что количество молчаний-автономий, т.е. условного присутствия или участия в реальном коммуникативном поведении отличает весьма однозначно представителей разных гендеров. Уровень образования оказался весьма нейтральным фактором. Некоторое его воздействие прослеживается у мужчин в том плане, что образованность совсем незначительно, но уменьшает количество таких молчаний. Хотя достоверными такие различия не являются. Даже в поведении мужчин в английской и русской культурах, где разница в количестве обсуждаемого молчания в поведении коммуникантов с незаконченным средним образованием и у тех, кто имеет высшее, достигает 4,5 % – максимального показателя. Тем не менее, хотя бы абсолютные цифры у мужчин уменьшаются с увеличением образованности коммуникантов. У женщин такого уменьшения не наблюдается вовсе. Наоборот, образованность у них однозначно соотносится с такими же или даже чуть большими показателями количества пауз-автономий. Образование, таким образом, не сказывается на коммуникативном поведении представителей разных гендеров с точки зрения количества необъяснимых молчаний-отрешений от развития событий здесь и теперь. Вместе с тем имеется фактор, более эффективно подталкивающий коммуниканта к определенным предпочтениям в данном плане, – возраст коммуникантов, что видно из таблицы 2.

Таблица 2

Молчание-автономия в поведении коммуникантов с высшим образованием и возраст в %

Культура	Белорусская		Русская		Английская		Американская	
Пол коммуникантов	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Возраст:								
старше 45 лет	16,5	2,5	16,5	2,5	19	3	16,5	5,5
до 45 лет	40	7	42	7,5	37,5	4,5	35	10
до 25 лет	30	4	27	4,5	27	7	27	6

Примечание. За 100 % принимается общее количество зарегистрированных случаев молчания-автономии у коммуникантов с высшим образованием в одной культуре.

С возрастом коммуниканты любого гендера по показателю исследуемых молчаний больше принимают во внимание собеседника, т.е. отношения. Женщины в 2 – 4 раза реже отрешаются от того, что происходит вокруг них, мужчины – в среднем в 2 раза. Однако значения количества молчания для коммуникантов-мужчин настолько выше женских, что по абсолютным показателям больше мужчин меняют свою тактику поведения, чем женщины. Максимум различий приходится на возраст между 25 и 45 годами, ибо именно в данном возрасте максимальное количество как мужчин, так и женщин настроены на определенную автономию.

Представляется, что полученные данные соответствуют выводам психологов и социологов о большей ориентации мужчин на автономию, относительную свободу в контексте тех связей, которые составляют их непосредственный круг общения [16, 17]. Целесообразно подчеркнуть, однако, что имеется и определенное количество женщин, которые склонны следовать именно такой, более ориентированной на автономию, тактике поведения; женщин, которым внутренне нужно определенное пространство сугубо личного обитания, автономность. По нашим данным, они испытывают меньшее давление со стороны пытающихся вовлечь их в общение близких, чем мужчины. Во всяком случае нам не удалось зафиксировать ни одной интеракции, в которой бы коммуникант-мужчина так настойчиво и неконфликтно пытался добиться ответа, как это зачастую делают женщины (см. разговор 1, реплики A_1 , 3, 5, 7, 9; разговор 2, реплики B_4 , 6, 8, 10, 12, 14, 16, 22, 25; разговор 6, реплики A_1 , 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15).

Представляется важным обратить внимание на то, что, автономизируясь с помощью реплик молчания, коммуниканты (мужчины и женщины) в большинстве случаев обнаруживают все-таки однозначное желание оставаться частью тех отношений, в которых они существуют в своем кругу обитания. Несколько отрешаясь от окружения, они, тем не менее, считают нормой, что вокруг них совершается интерактивный процесс и что они так или иначе являются его частью и должны в нем участвовать. Вместе с тем приходится признать, что есть значительная доля истины в гендерных исследованиях, утверждающих, что автономию в коммуникативном поведении следует трактовать как проблему, решением которой приходится заниматься всем [18, с. 180].

Заключение

Главным выводом, который может быть сделан на основе данных о молчании, обозначаемом формулой нулевое обозначающее/нулевое обозначаемое, состоит в том, что оно вряд ли может быть интерпретировано только с позиций тезиса о власти. Установка на молчание ради молчания скорее может быть понята как частный случай проявления параметров 1) автономности, 2) заботы или отношений.

Но и в этих своих манифестациях молчание обсуждаемой разновидности весьма полисеманлично. Оно не является знаком только одного конкретного смысла. Напротив, молчание с нулевым обозначающим и нулевым обозначаемым может соотноситься с целым рядом смысловых нюансов, связанных с удовольствием, расслаблением, гармонией, тишиной и т.п. Наличие разнообразия таких нюансов позволяет предположить, что молчание как коммуникативный феномен представляет собой самостоятельный код, используемый человеком в его коммуникативном поведении наряду с другими кодовыми системами, в первую очередь вербальной и целым рядом невербальных. Молчание-автономия в таком случае представляет собой одну из его единиц. Или, используя удачное обозначение Н.Д. Арутюновой, одно из многих других слов молчания, конституирующих данный код.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инубуси, Й. Феномен молчания как компонент коммуникативного поведения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.49 / Й. Инубуси. – М., 2003. – 24 с.
2. Kurzon, D. Discourse of Silence / D. Kurzon. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1997. – 164 p.
3. Ширяев, Е.Н. Нулевые глаголы – члены парадигматических и синтагматических отношений: автореф. дис. ... канд. фил. наук / Е.Н. Ширяев – М, 1967.
4. Якобсон, Р. О нулевом знаке / Р. Якобсон // Избранные работы. – М: Прогресс, 1985. – С. 222 – 230.
5. Балли, С. Общая лингвистика и вопросы французского языка / С. Балли. – М: Наука, 1956. – 416 с.
6. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. – М: Наука. – 416 с.
7. Spender, D. Man Made Language / D. Spender. – L., N.Y.: Routledge and Kegan Paul, 1980. – 250 p.
8. Арутюнова, Н.Д. Феномен молчания / Н.Д. Арутюнова // Язык о языке / ред. Н.Д. Арутюнова. – М: Язык русской культуры, 2000. – С. 417 – 436.
9. Sifianon, M. Do me need to be silent to be extremely polite? Silence and FTAS / M. Sifianon // International Journal of Applied Linguistics. – 1995. – № 5:1. – P. 95 – 110.
10. Grice, H.P. Meaning / H.P. Grice // Philosophical Logic / Ed. P.F. Strawson. – Oxford: UP. – P. 39 – 48.
11. Sebeok, T.A. Contribution to the Doctrine of Signs / T.A. Sebeok. – Lisse: Peter and Ridder Press, 1976.
12. Cage, J. Silence / J. Cage. – Cambridge, Mass: MIT Press, 1961. – 240 p.
13. Böll, H. "Doktor Murkes gesammtes Schweigen" und anderer Satiren / H. Böll. – Cologne: Kieperheuer und Witsch.
14. Токарева, В. Этот лучший из миров / В. Токарева. – М.: Act, 1999.
15. Defrancisco, V.L. The Sounds of silence: How men silence women in marital relations / V.L. Defrancisco // Discourse and Society. – 1991. – № 2; 4. – P. 413 – 423.
16. Gilligan, C. In a Different Voice / C. Gilligan. – Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1982. – 184 p.
17. Goffman, E. The Presentation of Self in Everyday Life / E. Goffman. – New York: Doubleday, 1990. – 259 p.
18. Tronto, J. Women and Caring // Feminist Reconstructions of Being and Knowing / J. Tronto; Eds. A.M. Jaggar S.R. Bordo. – New Brunswick and London: Rutgers University Press, 1989. – P. 172 – 187.

Поступила 20.03.2006